

Глава 1

Ураган

Первого мая 1924 года берлинский полицейский ударил резиновой дубинкой по спине шестнадцатилетнюю девушку и тем самым помог ей встать на путь революции.

Тысячи берлинцев в течении нескольких часов шествовали по улицам города на ежегодном чествовании рабочего класса. В числе демонстрантов было множество коммунистов и большая колонна молодежи. Украсив одежду красными гвоздиками, они несли плакаты, гласившие: “Руки прочь от Советской России”, и распевали коммунистические песни: “Мы кузнецы, и дух наш молод, / Куем мы к счастью ключи!” Политические демонстрации были под запретом, вдоль улиц выстроилась полиция, хмуро наблюдавшая за происходящим. На углу улицы поглумиться над шествием собралась горстка фашистов-коричневорубашечников. Начались потасовки. В воздух взмыла бутылка. Коммунисты запели громче.

Во главе молодежной колонны коммунистов шествовала сублильная девушка в рабочей кепке, неполных семнадцати лет. Это была первая уличная демонстрация Урсулы Кучински: ее глаза горели от воодушевления, когда она размахивала своим плакатом, горланя гимн *Auf, auf, zum Kampf*, “Вставай, вставай на борьбу”. Ее прозвали Ураган, и, вышагивая и распевая, Урсула пританцовывала от захлестнувшей ее радости.

Полиция пошла в наступление, когда шествие сворачивало на Миттельштрассе. Урсула вспоминала “визг тормозов, заглушивший пение, вопли, полицейские свистки и возмущенные выкрики. Молодых людей валили на землю и волокли в грузовики”. Посреди этой суматохи Урсулу повалили навзничь на мостовую. Подняв голову, она увидела возвышавшегося над ней дюжего полицейского. На зеленой униформе под мышками проступали пятна пота. Ухмыльнувшись, он замахнулся дубинкой и со всей силы нанес девушке удар по пояснице.

Первым делом ее охватила ярость — и лишь потом ее пронзила самая острая боль, которую ей довелось испытать в своей жизни. “Мне было так больно, что я не могла нормально дышать”. Ее друг, молодой коммунист Габо Левин, оттащил ее в подъезд дома. “Все хорошо, Ураган, — говорил он, потирая ей спину в том месте, куда пришелся удар. — Это пройдет”. Группа Урсулы уже давно разбежалась. Кого-то задержали. Но по широкой улице приближались еще несколько тысяч демонстрантов. Габо помог Урсуле подняться и отдал ей один из упавших плакатов. “Я продолжила шествие, — писала она потом, — еще не догадываясь, что это решение предопределило мою судьбу”.

Мать Урсулы была в ярости, когда дочь вернулась домой в тот вечер в разорванной одежде и с иссиня-черным кровоподтеком на спине.

Берта Кучински потребовала от нее ответа, чем та занималась, “слоняясь по улицам под руку с кодлой горланящих во весь голос пьяных подростков”.

“Мы не пили и не горланили”, — возражала Урсула.

“Что это за подростки? — спрашивала Берта. — Чего ты добиваешься, проводя время с людьми такого сорта?”

“«Люди такого сорта» — это местное отделение молодых коммунистов. И я тоже являюсь его членом”.

Берта отправила Урсулу напрямик в кабинет отца.

“Я уважаю право любого человека на свое мнение, — сказал дочери Роберт Кучински. — Но семнадцатилетняя девушка еще слишком юна, чтобы вступать в политические объ-

единения. Поэтому я настоятельно прошу тебя сдать членский билет и на несколько лет отложить свое решение”.

У Урсулы уже был наготове ответ. “Если семнадцатилетних можно брать на работу и эксплуатировать, значит, им можно и бороться против эксплуатации... и именно поэтому я должна стать коммунисткой”.

Роберт Кучински и сам сочувствовал коммунистам, и запал дочери скорее вызывал у него восхищение, но сулил множество проблем. Чета Кучински, быть может, и поддерживала борьбу рабочего класса, но это не означало, что они готовы были принять дружбу дочери с его представителями.

Этот политический радикализм — очередное поветрие, сказал Роберт Урсуле. “Через пять лет вся эта затея будет вызывать у тебя смех”.

Урсула парировала: “Через пять лет я стану еще более убежденной коммунисткой”.

Семья Кучински была богата, влиятельна, самодостаточна и, как любая другая еврейская семья в Берлине, даже не догадывалась, что через несколько лет их мир будет уничтожен войной, революцией и систематическим геноцидом. В 1924 году в Берлине проживали 160 тысяч евреев, около трети еврейского населения всей Германии.

Роберт Рене Кучински был выдающимся специалистом по демографической статистике, первым, кто использовал числовые данные при анализе социальной политики. Его метод вычисления популяционной статистики — “коэффициент Кучинского” — применяется по сей день. От своего отца, успешного банкира, председателя правления Берлинской фондовой биржи, Роберт унаследовал страсть к книгам и деньги, позволявшие предаваться этому увлечению. Мягкий человек, дотошный ученый, гордый потомок “шести поколений интеллектуалов”, Кучински владел крупнейшей частной библиотекой в Германии.

В 1903 году Роберт женился на Берте Граденвиц, представительнице немецко-еврейской интеллигенции, дочери предпринимателя, занимавшегося строительством жилых домов. Умная, склонная к праздности Берта была художницей. Первые воспоминания Урсулы о матери состояли из цветов и фактур: “Все мерцало коричневым и золотым. Бархат, ее волосы, ее глаза”. Берта была посредственным живописцем, но ей об этом никто не говорил, и она продолжала малевать в свое удовольствие, была самозабвенно предана мужу, а утомительные повседневные заботы о детях перекладывала на прислугу. Космополитичные, светские Кучински считали себя в первую очередь немцами, отодвигая свое еврейство далеко на второй план. Дома они часто разговаривали по-английски и по-французски.

Кучински знали всех видных представителей интеллектуальных кругов левого толка: марксистского лидера Карла Либкнехта, художников Кете Кольвиц и Макса Либермана, немецкого промышленника и будущего министра иностранных дел Вальтера Ратенау. Одним из ближайших друзей Роберта был Альберт Эйнштейн. За ужином у Кучински часто собиралась компания художников, писателей, политиков и интеллектуалов — и евреев, и гоев. Позиция Роберта в озадачивающем политическом калейдоскопе Германии была одновременно неоднозначна и переменчива. Диапазон его взглядов простирался от левоцентризма до леворадикализма, но Роберт был, как он сам полагал, человеком слишком возвышенным, чтобы ограничивать себя партийными ярлыками. Как язвительно замечал Ратенау, “[Роберт] Кучински всегда образует партию из одного человека, а потом выбирает ее левое крыло”. В течение шестнадцати лет он занимал пост директора статистического бюро в Шёнеберге, пригороде Берлина: эта непыльная должность оставляла много времени для научных трудов, написания статей для газет с левым уклоном и участия в прогрессивных общественных кампаниях; он выступал, в частности, за улучшение жизненных условий в берлинских трущобах (где, вероятно, ни разу и не бывал).

Урсула Мария была вторым ребенком из шестерых детей Роберта и Берты. Их первенец Юрген родился тремя годами ранее, в 1904 году, и был единственным мальчиком в семье. Вслед за Урсулой на свет появились еще четыре сестры: Бригитта (1910), Барбара (1913), Сабина (1919) и Рената (1923). Из сестер Урсуле ближе всех была Бригитта — и по возрасту, и по политическим взглядам. Без всякого сомнения, приоритет в семье отдавался мальчику: Юрген был развит не по годам, умен, категоричен, донельзя избалован и на сестер неизменно смотрел свысока. Он был наперсником Урсулы и ее негласным соперником. Отзываясь о нем как о “лучшем и умнейшем человеке из всех своих знакомых”, она в равной степени обожала Юргена и возмущалась им.

В 1913 году, накануне Первой мировой войны, семья Кучински переехала в большую виллу на берегу озера Шлахтензее, в престижном пригороде Берлина Целендорфе у Грюневальдского леса. Дом, сохранившийся до сих пор, был построен на землях, унаследованных отцом Берты. На пологом берегу раскинулись просторные владения — с оранжереей, парком и курятником. Специально для библиотеки Роберта была сделана пристройка. По хозяйству помогали кухарка, садовник, две горничные и, главное, няня.

Ольга Мут, или Олло, была не просто членом семьи. Она была ее краеугольным камнем, основой стабильности, унылой рутины — и источником безграничной любви. Дочь матроса, служившего во флоте кайзера, уже в шесть лет Олло осиротела и воспитывалась в прусском сиротском приюте для детей военных; заведение, где царила неопишуемая жестокость, оставило неизгладимый шрам в ее душе, научив состраданию и приучив к жесткой дисциплине. В 1911 году, когда энергичная, острая на язык Олло поступила няней к семейству Кучински, ей было тридцать.

Олло понимала детей куда лучше Берты и мастерски научилась ей об этом напоминать: няня вела против фрау Кучински тихую войну, периодически вызывавшую бурные

скандалы, после которых она, как правило, уходила, хлопнув дверью, но неизменно возвращалась. Любимицей Олло была Урсула. Девочка боялась темноты и, пока внизу проходили званные ужины, засыпала под тихие нянины колыбельные. Годы спустя Урсула поняла, что любовь Олло отчасти была продиктована их “единодушием против матери в обстановке безмолвного ревнивого соперничества”.

Урсула была нескладным ребенком с копной жестких темных волос, доводившим мать до изнеможения своей любознательностью и непоседливостью. “Непослушные, как конский волос”, — бормотала Олло, беспощадно расчесывая девочку. Детство Урсулы было настоящей идиллией: купание в озере, поиск птичьих яиц, игра в прятки среди рябиновых деревьев. Часть лета она каждый год гостила на даче у своей тети Алисы, сестры Роберта, на балтийском побережье, в Аренсхопе.

Урсуле было семь лет, когда разразилась Первая мировая война. “Сегодня между нами нет никаких различий, сегодня все мы — немцы, защищающие свою отчизну”, — объявил директор ее школы. Роберт записался в прусскую гвардию, но в свои тридцать семь лет он был слишком стар для строевой службы и всю войну подсчитывал нормы потребления продуктов в Германии. Как и многие евреи, муж Алисы Георг Дорпален храбро сражался на Западном фронте, был ранен и награжден Железным крестом. Состояние Кучински отчасти уберегло их от самой страшной нужды военного времени, но продуктов не хватало, и Урсулу отправили на балтийское побережье, в лагерь для голодающих детей. С собой Олло положила ей мешок шоколадных трюфелей из картошки, какао и сахарина — и стопку книг. Урсула вернулась заядлым читателем, набрав несколько фунтов благодаря диете из пельменей и чернослива, когда война уже закончилась. “Убери локти со стола, — выговаривала ей мать. — Не хлюпай”. Урсула выбегала из столовой, хлопнув дверью.

Поражение и позор Германии ознаменовали начало конца безмятежного существования семьи Кучински. Страну

захлестнули встречные потоки политического насилия. Волна беспорядков повлекла за собой отречение кайзера; восстание левых было жестоко подавлено оставшимися силами императорской армии и правым ополчением, фрайкорами. 1 января 1919 года Роза Люксембург и Карл Либкнехт основали Коммунистическую партию Германии (*Kommunistische Partei Deutschlands*), или КППГ, — через несколько дней они были похищены и убиты. Так в Веймарской республике началась эра культурного расцвета, гедонизма, массовой безработицы, экономической нестабильности и бурного политического конфликта, разгоравшегося по мере все более ожесточенных столкновений между крайне правыми и левыми радикалами. В политических взглядах Роберта Кучински произошел серьезный сдвиг в левом направлении. “Советский Союз — *это и есть* будущее”, — заявлял он после 1922 года. Так и не вступив в КППГ, Роберт заявлял, что коммунистическая партия — “наименее невыносимый” из имеющихся вариантов. В своих статьях он выступал за радикальное перераспределение богатства в Германии. Его предложения не прошли мимо внимания националистов правого крыла и антисемитов. “Он не просто против нас, — мрачно отмечал один немецкий промышленник. — Он уже потерял всякий стыд”.

Четырнадцать лет смуты, отделяющие свержение кайзера от прихода Гитлера к власти, расценивают как период нараставшей угрозы, обусловивший дальнейшую катастрофу. Но молодость и идеализм в те годы пьянили и будоражили, пока мир сходил с ума. Военные долги, репарации и неумелое распоряжение финансами вызвали гиперинфляцию. Деньги едва стоили бумаги, на которой были напечатаны. Пока одни умирали от голода, другие бросались в безумные траты: хранить деньги, которые вот-вот обесценятся, было бессмысленно. На глазах разворачивались сюрреалистические сцены: цены росли так быстро, что официанты в ресторанах каждые полчаса забирались на столы, чтобы объявить новые цены в меню; буханка хлеба, в 1922 году стоившая 160 марок, к концу

1923 года подорожала до 200 000 000 марок. Урсула писала: “Женщины стоят у ворот фабрики, чтобы забрать конверты с зарплатой своих мужей. Каждую неделю им вручают пачки банкнот в миллиард марок. Получив деньги, они несутся в магазины, потому что через два часа маргарин может подорожать вдвое”. Однажды днем в парке она увидела мужчину, ветерана войны, с культей, он лежал под скамейкой, прижимая к груди сумку с жалкими пожитками. Он был мертв. “Почему в мире творится такой ужас?” — недоумевала она.

Пока в Шлахтензее по-прежнему велись интеллектуальные разговоры в изящных интерьерах, миллионы людей примыкали к радикальным политическим движениям. В 1922 году министр иностранных дел Вальтер Ратенау был убит ультра-националистами после подписания соглашения с Советским Союзом. Каждый день Урсула своими глазами видела резкий контраст между городской беднотой и зажиточной буржуазией, к которой принадлежала и она сама. Она поглощала труды Ленина и Розы Люксембург, радикальные романы Джека Лондона и Максима Горького. Она хотела поступить в университет, следуя по стопам брата.

Юрген уже стал восходящей звездой левых академических кругов. После изучения философии, политэкономии и статистики в университетах Берлина, Эрлангена и Гейдельберга он получил докторскую степень по экономике, а вслед за тем в 1926 году отправился в США, поступив в аспирантуру Брукингского института в Вашингтоне. Там он познакомился с коллегой-экономисткой Маргаритой Штайнфельд и через два года на ней женился.

Берта была непреклонна: ее равноправная дочь обойдется без дальнейшего образования; ей нужно освоить какое-нибудь женское ремесло, а потом выйти замуж. В 1923 году в возрасте шестнадцати лет Урсула поступила в торговую школу, чтобы научиться печатать и стенографировать.

По ночам она писала стихи, рассказы, истории, полные романтики и приключений. Лишенная возможности получить

академическое образование, она выливали энергию в собственный воображаемый мир. В ее детских сочинениях проступала жажда острых впечатлений, театральность, тяга к абсурду. Урсула всегда была главной героиней своих рассказов и писала о себе в третьем лице — о молодой женщине, целеустремленно совершающей великие подвиги и готовой идти на риск. Одна из ее героинь “превозмогла прежнюю детскую физическую слабость, окрепла и обрела силу”. Младшие сестры называли ее Сказочный Ураган. В дневник выливались не только обычные подростковые мрачные переживания, но и неукротимый оптимизм. “Я в дурном настроении, — писала она. — Я ворчу и огрызаюсь, сорвиголова, полукровка с черной гривой, еврейским носом и неуклюжими конечностями, недовольная и угрюмая... но вот голубое небо, пригревает солнце, капли росы на елках, волнение в воздухе, — и сразу хочется вырваться прочь, прыгать, бегать и любить”.

В тот год, когда Урсула официально закончила свое образование, Гитлер организовал в Мюнхене пивной путч — провалившуюся попытку *coup d'état*¹, после которой имя будущего фюрера стало известно в каждом доме, а сам он оказался в тюрьме, где надиктовывал *Mein Kampf*, нацистскую библию ненависти.

Урсулу, впитавшую политические убеждения отца, потрясенную происходившей на ее глазах деградацией, ужасал фашизм, и заворачивали носившиеся в воздухе идеи социального равенства, классовой войны и революции. Ее неумолимо влекло к коммунизму. “В Германии грядет своя социалистическая революция, — заявляла она. — Благодаря коммунизму люди станут лучше и счастливее”. Большевицкая революция доказала, что старый порядок прогнил и был обречен. Фашизм должен был потерпеть поражение. В 1924 году Урсула вступила в *Kommunistischer Jugendverband Deutschlands*, Коммунистический союз молодежи Германии, примкнув к идео-

1 Государственный переворот (франц.). (Здесь и далее — прим. перев.)

логии, которой останется верна всю жизнь. Ей было шестнадцать лет. Как и другие коммунисты родом из зажиточных семей, Урсула не афишировала свое привилегированное происхождение. “Мы жили намного скромнее, чем можно было себе представить, — подчеркивала она. — Один наш прадедушка торговал в Галиции шнурками для ботинок с тележки”.

Молодые коммунисты — единомышленники Урсулы — из разных уголков, классов и общин Берлина стремились свергнуть иго капитализма и создать новое общество. Эта дурманящая атмосфера была питательной средой для дружбы. Габриэль “Табо” Левин, юноша из среднего класса, жил на окраине Берлина. Хайнц Альтман был симпатичным подмастерьем, чьи напутствия послужили для Урсулы “окончательным стимулом” вступить в партию. Это были молодые бойцы немецкого коммунистического движения, и Урсула была счастлива вступить в их ряды. После первомайской демонстрации 1924 года жажда риска не покидала ее до конца жизни. Кровоподтеки от ударов полицейской дубинки со временем зажили, но гнев Урсулы остался с ней навсегда.

По выходным члены Коммунистического союза молодежи разъезжали по селам, рассказывая о марксизме-ленинизме немецким крестьянам, которые, бывало, в ответ на травливали на юных проповедников своих собак. Однажды вечером в Лёвенберге, на севере Берлина, один сердобольный фермер пустил их компанию заночевать у него на сеновале. “В тот вечер мы особенно веселились, — писала Урсула. — Едва мы легли, кто-то стал фантазировать, как здесь будет через двадцать лет. Лёвенберг в 1944 году! Уже давно наступил коммунизм. Мы долго спорили, упразднят ли к тому времени деньги. Мы, к сожалению, тогда совсем состаримся — нам будет уже за тридцать!” Засыпая, они грезили о революции.

Урсула была прирожденным миссионером. Она никогда не читала нотаций, но любила обращать людей в свою веру и атаковала неверующих до тех пор, пока их мировоззрение не совпадало с ее собственным.